

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

ССОРА С ЦАРЕМ

*«Горняго ища, дольняя вся презирая,
Щит веры имея, ко брани на бесов простирая».*

(Монастырский «Летописец»)

В канун праздника Богоявления 1656 г. святитель Никон прочитал в одной афонской книге, что правильной освящать воду не два раза (в навечерие и в самый праздник), а только один раз (в навечерие). В древности на Востоке не было единого устава о Великом освящении воды на Крещение Господне. В одних книгах имелись указания о двукратном освящении, а в других — об однократном. Антиохийский Патриарх возражал, ссылаясь на повсеместную практику Греческой Церкви, но святитель Никон остался при своем мнении и совершил Великое освящение воды один раз — в навечерие праздника. Алексей Михайлович, присутствовавший на этом торжестве, был в полной уверенности, что Никон поступил в согласии с Антиохийским Патриархом. Но когда перед Пасхой того же года Макария торжественно проводили в далекий путь на родину, царю стало известно, что Патриарх Никон совершил Крещенское освящение воды вопреки советам антиохийского гостя. И тут произошло нечто неожиданное... Алексей Михайлович позволил себе обругать Патриарха, как в гневе иногда ругал провинившихся подданных, но только не его, своего «собинного друга». «Мужик, бл...н сын!» — крикнул царь. Никон ужаснулся. «Я твой духовный отец, зачем же ты оскорбляешь меня!» — произнес он. Царь выпалил: «Не ты мой отец, а святой Патриарх Антиохийский воистину мой отец, и я сейчас пошлю вернуть его с пути»¹⁰⁵. Из Волхова по весенней распутице Патриарха Макария вернули в Москву без объяснения причин. Пока он возвращался, Алексей Михайлович успел опомниться и примириться с Никоном, так что Антиохийскому Патриарху ничего не сказали о подлинных мотивах его

возвращения. Но он узнал о них от греческих купцов, ехавших из Москвы. С их слов Павел Алеппский и записал подробности ссоры царя с Никоном. Это говорит о том, что столкновение двух «великих государей» произошло при свидетелях, вероятнее всего — членах царского синклита, которые на радостях сделали тайну цареву известной всему свету. В самом деле, эта ссора означала не что иное, как конец согласия между царем и Патриархом... Началось неуклонное ухудшение их отношений, приведшее затем к тяжким последствиям для них и для всей России. Необходимо поэтому разобраться в сущности конфликта.

Алексей Михайлович возлагал на Антиохийского Патриарха Макария большие надежды. Он должен был, по расчетам русского самодержца, распространять на Востоке самые благоприятные мнения о России, ее Церкви, ее царе. Но поскольку вопрос о крещенском водосвятии не был существенным, впечатления Макария о Никоне, о Русской Церкви, как показывают записки Павла Алеппского, нисколько не изменились из-за этого разногласия. Оба Патриарха понимали, что в несущественных богослужебных обычаях каждый из них имеет право придерживаться своих особых частных мнений, и это не может повредить церковному единству. Таким образом, поступок Предстоятеля Русской Церкви не унижил авторитета Патриарха Макария и не испортил царю восточной политики, как можно было бы подумать, глядя на то, с каким гневом Алексей Михайлович реагировал на это дело. Но, может быть, царь не был уверен, что все кончилось так благополучно? Может быть, он все же испугался за свою «восточную игру» или был до глубины души убежден, что русский Патриарх ни в чем не смеет перечить Антиохийскому, то есть, что Восточные святители безусловно авторитетней в любом вопросе? Возможно, что такие мысли были у Алексея Михайловича. Однако они не могли являться достаточным основанием для подобной грубости и гнева, если принять во внимание ту безграничную любовь и дружбу, какие ранее существовали между ним и Никоном, тот огромный авторитет в церковных вопросах, какой имел Никон в глазах царя. Должно было быть какое-то изменение в самом отношении царя к Никону, которое наметилось раньше и как бы ждало лишь повода, чтобы проявиться.

Принято думать, что повзрослевший и возмужавший в походах Алексей Михайлович не мог больше сносить властного,

крутого характера Патриарха Никона, его давления, чуть ли не вмешательства в царские дела, и т. п. Следует признать, что это одно из исторических предубеждений. Нет ни одного факта, который мог бы свидетельствовать о властолюбивом желании святителя Никона «подчинить» себе царя с той целью, чтобы самому управлять государством.

Причины неудовольствия царя Никоном кроются в другом. Столкновение по поводу Крещенского водосвятия обнаруживает один интересный факт. Алексей Михайлович как бы лишь доверял все церковные дела Патриарху, но в глубине души, оказывается, хотел (или только теперь восхотел) считать ответственным за них самого себя. Отчасти это вытекало из его взглядов на обязанности православного государя, а также из тех духовно-политических намерений стать царем Востока, о которых уже говорилось. Но это еще ничего не объясняет. Ведь при всей своей заинтересованности духовными и церковными вопросами Алексей Михайлович дал обещание не вмешиваться в управление церковными делами. В едином русском православном обществе, каким оно сложилось к середине XVII в., дела духовные и церковные являлись самыми важными, основой всей жизни. Таким образом, неизбежно получалось, что царь как бы вытеснен из главной — духовной сферы жизни своего государства. Царю оставались дипломатические отношения, войны, казна, налоги, суд, администрация и т. п. С точки зрения воспитанного в духе искреннего православного благочестия царя, всё это были дела, хотя и важные, «государевы», но второстепенные, большей частью — суэта мирская. От самого важного царь оказался отстранен авторитетом и личностью Патриарха Никона. Алексей Михайлович это понимал и добровольно шел на это. Из каких побуждений? Из искренней любви к Никону как к другу и духовному лицу («святу мужу»), а также из верного православного представления о свободе Церкви и пределах царской власти, т. е. о том, что в современных понятиях может быть выражено, как стремление остаться в рамках самодержавного принципа власти, не соскальзывая в крайность абсолютизма. Нетрудно видеть, что любовь между царем и святителем Никоном была при этом самой существенной опорой, на которой держалось могущество и полновластие Патриарха в делах духовных и церковных. На вышеупомянутые царские дела Никон никогда и не претендовал! Более того, когда ему по просьбе

Алексея Михайловича, ушедшего на войну, пришлось заниматься государственными делами и спасти царскую семью (что тоже было делом государственной важности), Никон этим тяготился, считая эти дела умалением своего патриаршего достоинства. Много лет спустя он из ссылки писал об этом царю: «На Москве будучи, работал тебе, великому государю, не яко Патриарх. Такожде и в моровые поветрия царице государыне и сестрам твоим государевым и чадом вашим работал, как последний раб»¹⁰⁶. Следует поэтому еще раз отметить, что ни о каких теократических стремлениях святителя Никона не может быть и речи. Когда Неронов столь удачно формулировал основной тезис всех противников Никона, сказав царю: «Твоей власти уже не слышать, от него (Никона) всем страх», — это относилось исключительно к области церковных дел. Ибо сам Неронов и его единомышленники настолько считали царя ответственным за церковные дела, что первые же челобитные по обрядовым исправлениям они направляли не Патриарху, не собору архиереев, а царю...

До определенного времени царь не реагировал на эти челобитья. Да и не так уж в действительности был отстранен Алексей Михайлович от управления церковной жизнью! Царь участвует в важных Соборах, в решении текущих церковных дел, ведет за спиной Патриарха благую интригу с целью примирить его с Нероновым и т. д. Но, конечно, при всем том в церковной жизни царь — не первое, а второе лицо. В свою очередь, Патриарх Никон далеко не первый в делах чисто государственных. Так осуществлялось то равновесие или, лучше, гармония двух начал в едином православном обществе, которая веками обеспечивала крепость и единство духовной жизни России.

Как же началось «шатание»? Что побудило царя внутренне восстать против приоритета Патриарха Никона в делах церковных, который сам же царь и обеспечил Патриарху?

Удовлетворительный, на наш взгляд, ответ на эти вопросы будет дан только после исследования одного из важнейших деяний святителя Никона — строительства Нового Иерусалима. Теперь же мы должны ограничиться указанием на то, что с определенного времени, именно — с 1656 г., царь стал особенно восприимчив к злостной, ядовитой клевете придворной знати и раскольников: «Твоей власти уже не слышать, от него (Никона) всем страх». Вот змеиное жало, которое начало особенно уязвлять сердце государя,

как бы «открывать глаза» Алексею Михайловичу на его «второстепенное», «униженное» положение в самой важной — духовной области жизни своего государства.

И вот, как писал Патриарх Никон, в 1656 г., вернувшись с русско-литовской войны, «царь нача по-малу гордети и выситися и нами глаголемая от заповедей Божиих презирати и во архиерейские дела вступатися» (или по другой редакции — «и во архиерейские дела учал вступатца властию»)¹⁰⁷. Таким образом, не теократические притязания Никона, а абсолютистские притязания Алексея Михайловича становились причиной и основой будущей драмы.

Внутренне восстав против полновластия Патриарха в Церкви, царь поставил себя в чрезвычайно противоречивое, сложное, попросту — безвыходное положение. Быть в церковных делах «на вторых ролях» он уже не хотел, но и открыто восставать против Патриарха не мог и по своим христианским убеждениям, и по памяти долгой личной дружбы.

В России создавалась критическая ситуация. Сущность духовного конфликта складывалась в вопрос, кто главней, кто «преболе» в делах Церкви, в духовной жизни общества, — царь или Патриарх? Если такой вопрос возникает в государстве, где гражданское общество почти полностью (за исключением инородцев) слито с обществом церковным, то это самый критический, самый острый и самый важный вопрос, от решения которого зависит вся общественная судьба.

Поразительным образом клеветнические внушения приближенных опирались на искренне православное благочестие царя. Вспомним его мысль, высказанную позднее в связи с судом над Никоном, о том, что православный государь должен «не о царском токмо пещися», но и о всем церковном, так как «егда бо сия (т. е. церковное и духовное) в нас в целости снабдятся, тогда нам вся благая стояния от Бога бывают... и прочия вещи вся добре устроятся имуть». Эта мысль представляет собой исключительной важности свидетельство о попытке Алексея Михайловича идейно обосновать главенство своей, царской ответственности за Церковь. Православный царь, действительно, ответственен за Церковь в своем обществе, но не он один и не в первую очередь! Первенство здесь принадлежит безусловно Главе Церкви. Алексей Михайлович не заметил, как переступил роковую грань и усвоил себе как самодержцу не часть ответственности за Церковь, законно ему

принадлежащую, а всю полноту этой ответственности. Это был прямой идейно-духовный мост к Петру I, к русскому абсолютизму (на западный манер). В таком преступлении опасной грани, которое совершается в сознании царя как будто из чисто благочестивых побуждений, очень ясно видна рука опытного древнего клеветника и «отца лжи». А орудием его в данном случае является придворная знать, не умевшая быть истинно верноподданной своему государю, действовавшая не в интересах родины и государства, а в интересах своей гордости, корысти или даже, как мы потом увидим, в угоду тех, кто был прямо заинтересован в ослаблении России.

Царь не вполне поддавался внушениям. Он часто колебался, создавая впечатление, что готов вернуться к прежним отношениям с Патриархом Никоном. Так что кризис затянулся.

В 1657 г. Алексей Михайлович в общем ведет себя с Никоном еще как друг. 18 октября он приезжает к Патриарху на освящение Воскресенского деревянного храма в новом монастыре на Истре, где инсценируется «неожиданное» усвоение этому месту названия Нового Иерусалима, что на самом деле давно было решено между Никоном и царем. Уехав оттуда, царь посылает Патриарху письмо, в котором между прочим пишет: «Ты ж жалуешь пишешь, тужишь о нас, и аще Бог даст живы будем, за твоими пресвятыми молитвами, и паки не зарекалися, и не зарекаемся и паки приезжать»¹⁰⁸. Значит, были какие-то действия или высказывания царя, которые давали Никону повод тужить, что царь «зарекается» приезжать к Патриарху...

Наступил 1658 год. Он был знаменателен тем, что оканчивал собою вторую третицу лет пребывания Никона на престоле. Еще в 1652 г., когда царь умолял Никона стать Патриархом, он согласился при условии, что пробудет у власти не более трех лет. Вероятно, Никон усматривал неслучайный, мистический смысл в троичных этапах своей предыдущей жизни: в Анзерском скиту он пробыл три года, игуменом в Кожеозерской пустыни — 3 года, архимандритом Новоспасского монастыря — 3 года, Новгородским митрополитом — 3 года... Пробыв Патриархом тоже три года, Никон в 1655 г. просил об уходе. Впоследствии он напоминал об этом царю: «Бил челом я тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал мне, отпустил в монастырь; и ты... изволил и еще другую три года быти; и по прехождении других триех годов (т. е. в 1658 г. — *Прот. Л.*) паки бил челом тебе, великому государю, чтоб

ты... отпустил меня в монастырь, и ты, великий государь, милостивого своего указу не учинил»¹⁰⁹. Итак, святитель Никон даже до своего разрыва с царем дважды за время правления просил освободить его от этой власти! Этим еще раз разрушается миф о непомерном властолюбии Никона и подтверждается истина: Никон был властен, пока вынужден был править делами, но совсем не властолюбив. Если отказ царя Никону в просьбе об уходе от патриарших дел в 1655 г. может быть в общем понятен, то отказ в такой же просьбе в 1658 г., накануне совершенного разрыва с Никоном, требует объяснения.

Никто из русских первосвятителей (кроме ослепшего и больного Патриарха Иова) не покидал добровольно кафедры. Первосвятительское правление обычно прерывалось только смертью. Уход здорового и полного сил Патриарха Никона мог означать для народа только то, что и было на самом деле, — недопустимый разлад между государством и Церковью. Внутреннее благочестие и соображения политические не позволяли Алексею Михайловичу допустить ухода Никона и тем более предпринимать какие-либо формальные меры против него. А между тем раздражение Никоном в душе царя как раз в это время достигло наивысшей степени...

Никон замечал, чувствовал и понимал, что происходит в сердце Алексея Михайловича, в какое безвыходное положение царь себя ставит переменой своего отношения к нему. Правда, колеблющееся поведение самодержца давало надежду на то, что он может преодолеть искушение и вернуться к прежней дружбе и любви. Поэтому Никону ничего не оставалось, как смиряться, терпеть и молиться. Всякая с его стороны активная попытка наладить прежние отношения была бы непременно истолкована превратно как стремление «подчинить» себе царя или как боязнь потерять свое положение. Два года (до последней возможности) Никон терпел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁰⁵ *П. Алеппский*, вып. IV, с. 169.

¹⁰⁶ Памятники русского старообрядчества (ПРС), с. 102.

¹⁰⁷ Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 309.

¹⁰⁸ Архимандрит *Леонид*, с. 7.

¹⁰⁹ ПРС, с. 106.